

GRAŻYNA BALOWSKA
University of Opole

ЭКОЛОГИЯ ЯЗЫКА И ЛЯШСКИЙ ЯЗЫК

The aim of the paper is to discuss the concept of the Lachian literary language formulated in the 1930's by a local poet Óndra Łysohorsky. The author of the paper presents the ecological approach to the language in question and focuses on the following issues: the comparison of Łysohorsky's Lachian literary language with other Lachian dialects and related languages, native speakers of the Lachian literary language, the work on its codification, and the attitudes towards the language.

1. Экология языка как дисциплина относительно молодая начала складываться в семидесятые годы XX в. Начало ее формирования принято соотносить с исследованиями Эйнара Хаугена¹, который ввел в оборот природоведческий термин *экология* по отношению к языку (Haugen 1972). Вместе с тем биологический подход к языку был известен, как отмечает Эльжбета Вонсик, уже в XIX в., в соответствии с ним язык представлял собой живой организм, который рождается, стареет и умирает (Waśik, 1999: 41). По мнению Петра Зимы, „понятие языка как живого организма, с которым в определенной степени под влиянием ботаники Линнея и зоологии Дарвина выступила классическая сравнительная филология девятнадцатого – начала двадцатого столетия, можно воспринимать только как методологическую метафору. Представления о „рождении” и „смерти” языков и целых языковых групп, как и механические попытки классифицировать языки в их генетическом развитии как дерево и ветви или ветви ветвей без внимания к дальнейшим обстоятельствам их развития в серьезном лингвистическом понимании никогда не воспринимались дословно” (Zima 2002: 45).

---

¹ Следует однако подчеркнуть, что в польской лингвистике обращение к этому термину появилось раньше у Леона Завадовского, который экстралингвистические факты рассматривал как эколого-соотносительные (Zawadowski 1966: 74–78) (ср. по данной теме Wysoczański 2000: 65, Misiak 2006a: 17). Многие проблемы экологического описания языка можно заметить в публикациях польских лингвистов, напр., Эдварда Брезы, Антония Фурдаля, Владислава Любася, Альфреда Маевича, Владислава Мёдунки, Януша Ригера, Эвы Жетельской-Фелешко, Богуслава Вальчака, Ядвиги Женюковой (об этом подробнее Wysoczański 2000: 64, 66, там же библиография по теме).

Экологические аспекты исследования языка находятся во внешнем языкознании, которые, как отмечает Казимеж Поляньский, „включают вопросы, связанные с отношением языка к другим явлениям, прежде всего таким, как культура, социальная и географическая дифференциация, индивидуальная обусловленность речетворчества, преподавание языка” (Polański 1999: 279). В связи с этим в исследованиях, проводимых в рамках экологии языка, будут использоваться методы таких дисциплин, как лингвистическая демография, социолингвистика, диалектология, глоттополитика, этнолингвистика, антропология языка.

1.1. В настоящее время можно заметить двунаправленность в понимании и применении экологического подхода к языку (Wysoczański 2000: 64):

а) первый, представленный в рамках, очерченных Хаугеном, представляет собой общее описание и оценку языковой ситуации с позиций сужения сферы его функционирования или поддержания его существования (направление, представленное в социолингвистических исследованиях);

б) второй ориентирован прежде всего на охранительные функции в период сильного воздействия чужих языков (особенно английского) (направление, представленное прежде всего областью исследования как культура языка).

Первое направление возникло на основе описания языковой ситуации национальных меньшинств и связано с биографией самого Хаугена, который родился в 1906 г. в США в семье норвежских эмигрантов. Его первым языком был норвежский, английский он выучил только в школе. Среда обитания норвежской диаспоры, в которой он рос, оказало значительное влияние на выбор его будущих профессиональных увлечений (Misiak 2006b: 18) – он исследовал эмигрантские языковые сообщества в США (прежде всего норвежское языковое меньшинство). Экология в понимании Хаугена – это знания о конкретном языке, а не усилия в защиту прав каких-либо языков, которые позволили бы им сохраниться или защищали бы их существование (Misiak 2006a: 23), поскольку деятельность по сохранению или развитию языка является делом носителей языка².

Второе направление может относиться также к крупным языковым сообществам с интернациональной межтерриториальной сферой влияния. Оно касается не только проблем развития языка и заботы о его чистоте, но и вопросов, связанных с принципами социального функционирования языка, правилами воздействия на его развитие, его защиты и контактов с другими языками (прежде всего вопросы билингвизма, диглоссии и т.п.) (проблематика, ранее обсуждаемая в рамках нормативной лингвистики) (Wysoczański 2000: 64n).

1.2. В понимании Э. Хаугена предметом исследований лингвоэкологии является изучение взаимоотношений между языком и средой его функционирования³.

² Речь не идет об „идейно направленной” экологии. Примеры т. наз. экологических акций приводит Misiak (2006a: 23).

³ Ср. высказывание Хаугена: „Настоящей средой обитания языка является общество, которое использует его как один из своих кодов” (цит. по: Misiak 2006b: 292).

Речь идет, с одной стороны, о среде, в которой живет индивид и этническая (социальная) группа, с другой, – о среде, в которой язык функционирует, т.е. о совокупности внеязыковых факторов и условий, влияющих на функционирование и развитие языка (ср. Misiak 2006b: 292; Ohnheiser 2003: 10; Waşik 1999: 10)⁴.

Проблемы, которые должны быть приняты во внимание в экологическом описании языка, были сформулированы Э. Хаугеном в виде 10 вопросов⁵:

а) Какова классификация данного языка с учетом его отношений с другими языками?

б) Кем являются пользователи данного языка?

в) Каковы сферы его функционирования?

г) Какими другими языками пользуются его носители?

д) Какова внутренняя дифференциация данного языка?

е) Как выглядит типология текстов, написанных на данном языке?

ж) На каком этапе стандартизации, кодификации находится письменная форма данного языка?

---

⁴ В эколлингвистических исследованиях подчеркивается факт, что на развитие языка первостепенное влияние оказывают именно такие внеязыковые факторы, как, напр., количество пользователей, культурная традиция данного языкового сообщества, престиж языка, наличие/отсутствие государственной формации, наличие письменности и литературы. В то же время факторы внутриязыковые, т.е. насколько адекватно, исходя из своей структуры, исполняет язык основные коммуникативные функции, имеют на развитие языка в этом смысле второстепенное влияние (ср. *Encyklopedický slovník češtiny*, с. 252).

⁵ На основе экологических вопросов Хаугена З. Вонсик создал матрицу экологических характеристик, а Э. Вонсик экологические переменные во внешнем описании языка (ср. Misiak 2006a: 24–26, там же библиография по теме; ср. также языковые переменные по Х. Ханнану; Ohnheiser 2003: 11–12). Наиважнейшие проблемы, рассматриваемые исследователями в рамках экологического описания данного языка, таковы: 1) место языка в типологической и генетической классификации (напр., семья, языковая группа, естественный, искусственный, развивающийся, мертвый язык); 2) этимология названия языка и названия его носителей; 3) демографическая характеристика группы носителей (напр., язык большинства, меньшинства, социостратиграфические данные: возраст, пол, социальная дифференциация, антропологические характеристики); 4) окружение территориальное, географическое, политическое (напр., наличие / отсутствие собственного государства, языковой остров, регион); 5) внешняя история языка и его носителей; 6) положение по отношению к языку (напр., верность языку или отказ от него; оценка родного языка: признание более высокого, низкого или равного статуса по отношению к другим языкам); 7) языковая политика и языковое планирование (стандартизация: степень кодифицированности, унификация языковой нормы; грамматики, словари; организационная и политическая поддержка языка; формы борьбы за сохранение и развитие языка, его преподавание); 8) разновидности языка (внутренняя дифференциация языка: диалекты, функциональные стили, жаргоны); 9) области применения языка (сферы коммуникации: неофициальная и официальная, публичная: школа, церковь, учреждения, суд, армия; использование языка в городе или деревне; пресса, радио, телевидение); 10) симбиоз или конфликт с другими языками в ситуациях контакта (билингвизм, трилингвизм, мультилингвизм, диглоссия, языковая интерференция).

з) Как выглядит институциональная поддержка данного языка со стороны правительства, частных организаций, как выглядит обучение данному языку?

и) Каково отношение к данному языку его пользователей?

й) Экологическая типология языков должна дать актуальное описание развития данного языка, а также должна предвидеть его дальнейшую судьбу, исходя из изучения его ситуации на фоне других языков (вслед за: Misiak 2006b: 293, ср. Naugen 1972: 336–337; Misiak 2006a: 20–22; Ohnheiser 2003: 10–11; Wysoczański 2000: 65).

2. В настоящей статье мы хотим остановиться на хаугеновском подходе к исследованию языка и предпринять попытку описания некоторых особенностей ляшского языка. Однако предварительно следует отметить, что среди славянских языков он занимает особое место, поскольку был создан одним человеком – региональным поэтом Ондрой Лысогорским и в настоящее время существует только в текстах этого автора⁶. Нас будут интересовать истоки ляшского языка, прежде всего те внешние факторы, которые повлияли на формирование концепции нового языка Лысогорского и которые, без сомнения, позволят понять неудачу этого языкового эксперимента.

2.1. В первую очередь следует определить отношение ляшского языка Лысогорского к ляшским диалектам и соседним языкам. Впервые метаязыковые замечания по этому поводу Лысогорский делает в послесловии к своему первому написанному по-ляшски томику стихов *Spjéwajuso piaść*, изданному в Праге в 1934 г. издательством „Družstevní práce” (ср. Łysohorský 1934: 94–100). В этих авторских комментариях определение *ляшский язык* (*lašsky jazyk*) он использует в двух значениях: а) как название диалектов польско-чешского пограничья и б) как название созданного им языка, отождествляя таким образом оба явления. В отношении первого он, в частности, отмечает, что „słowo «lašsky» ňeznači žodén prozny pojem katedry, ale že označuje wšeljakimi ménami (na př. lašsky, morawsky, ślónsky a.t.d.) jazyk, kěreho užiwaju přibližně dwa milijóny ludži” (Łysohorský 1934, с. 94), и „próba odwodzowaño jazykowych póměrów lašskych od třech sušednich spisownych jazyków słowanskych by była přyródzěne mylno”. Как считает поэт, ляшский

⁶ До того времени ляшский язык рассматривался прежде всего в рамках исследований т. наз. микроязыков (ср. Balowska 2000b; Duličenko 1981, 1992, 1996; Hannan 1996b). Он был отнесен к периферийным (региональным) славянским литературным микроязыкам, языкам полинормативным и функционально ограниченным. В связи с этим ляшский язык Ондры Лысогорского исследовался под углом „литературный микроязык – литературный язык”, т.е. в какой степени ляшский язык отвечает критериям литературного языка, а также с позиций „литературный микроязык – ляшские диалекты” (ср. Balowska 2006, Hannan 2004). Ляшский язык анализировался также с позиций социолингвистики (ср. напр. Balowska 2000a, 2001; Hannan 1996a).

язык представляет собой самостоятельный, диалектно дифференцированный „организм”, который отличается от соседних – чешского, словацкого и польского – языков. От языка чешского и польского он отличается, по мнению Лысогорского, ударением на предпоследнем слоге и отсутствием противопоставления долгих и кратких гласных, в свою очередь от польского отсутствием носовых гласных и принципиальными различиями на уровне системы консонантов. От чешского и польского языков он значительно отличается и по синтаксису. Подчеркивая таким образом языковое своеобразие ляшских диалектов, поэт не соглашался с принятым среди чешских и польских филологов определением этих диалектов как смешанных или переходных⁷.

Далее Лысогорский определяет диалектную базу создаваемого им ляшского языка. Он отмечает, что использует свой родной верхнеостравский говор, т.е. „mŕuwu beskidskeho ludu w peředno-zapadnim dzélu bywałeho knižatstwa češinskeho” (Łysohorsky 1934: 100). В создании письменной версии ляшского языка он исходил из филологических предпосылок, обращаясь, по его словам, к публикациям чешских диалектологов XIX в. Ф. Бартоша *Dialektologie moravská I, Nářečí slovenské, dolské, valašské a lašské*, Я. Лориша *Rozbor podřečí hornoostravského ve Slezsku* и А.В. Шемберы *Základové dialektologie československé. S příklady všech řečí slovanských a různorečí českých, moravských a slovenských*. Таким образом, той базой, на которой основывается ляшский язык Лысогорского, является верхнеостравский говор, входящий в состав группы остравских говоров и занимающий территорию по верхнему и среднему течению Остравицы (в чешской диалектной терминологии принято также название *верхнеостравицкого говора (nářečí hornoostravické)*, ср. Bělič 1972). Однако поэт использовал не все особенности верхнеостравского говора (ср. Balowska 1998, Duličenko 1996, Hannan 2004). Он предпринял попытку унификации диалектных черт, заимствуя отдельные явления, характерные для смежных ляшских говоров, напр., из опавских говоров окончание *-ej* для род., дат. и предл. падежей ед. ч. прилагательных женск. рода вместо окончания *-e (beskidskej zemi, německej matky)*, или же из польского силезского говора форму *jech* для 1 л. ед. ч. глагола *być* (как параллельную к *joch je*); в то же время некоторые верхнеостравские черты упрощал, напр., спряжение глагола *być* в ед. ч. настоящего времени в отрицательной форме неприятием специфической для верхнеостравского говора формы типа *nimaš, nima*.

---

⁷ В течение десятков лет польские и чешские исследователи диалектов пытались найти ответ на вопрос, являются ли ляшские диалекты по происхождению польскими или чешскими, являются ли они говорами переходного или смешанного типа. По мнению исследовательницы польско-чешского языкового пограничья Я. Лябохи, „сутью спора было не столько признание обеими сторонами действительного существования между чешским и польским этническим пространством пояса переходных говоров, сколько смещение его некоторыми чешскими исследователями как можно далее на восток до самой границы западнотешинского говора, либо же наоборот – польскими диалектологами на запад” (Labocha 1997b: 25). Материал по теме многолетней польско-чешской дискуссии по вопросу переходных и смешанных говоров см. также: Balowska (2006).

Однако принципиальное отличие ляхского языка Лысогорского от его диалектного прототипа заключается в лексике. Поэт обогащает свой язык за счет чешских или польских слов, что вполне объяснимо, поскольку диалектный пласт словарного состава не дифференцирован функционально и стилистически. Сам Лысогорский такое положение вещей воспринимает как должное и в уже упомянутом выше послесловии объясняет его таким образом: „*Že słowa, kěre śe tykaju moderniho, hławnje administratywniho a polityckeho žiwota, nĕmaju razu autochtónneho, śe wyswĕtluje tym, že noród lašsky nĕmjĕt posawadz, co śe tyko jazykowych póměrów, własnego twořyweho cĕntra kulturneho a že ludu lašskĕmu nowinami a radyjĕm hroží wykořĕĕni a odcudzeni od hrudy aji w nojzapadlejšich dzedzinach*” (Łysohorský 1934: 100).

2.2. Идея особого ляхского языка служила Лысогорскому для подчеркивания национального своеобразия его пользователей. С концепцией ляхского народа он выступил также в уже упомянутом, написанном по-ляшски, послесловии к тому *Spjĕwajuso piaść*. Он указывал, что существует почти двухмиллионное общество, членом которого назвал ляхами, населяющее восточную Моравию, бывшую „австрийскую” Силезию и район чешского Глучина (Łysohorský 1934: 100). Этот народ, по мнению Лысогорского, притесняется немцами, поляками и чехами. Угрозу для него поэт видел как в германизации, которой он подвергался, так и в языковой ассимиляции его представителей, использующих местное ляхское наречие как родной язык. Поэтому в своем послесловии он критикует деятельность чешских и польских школ на указанной территории, считая, что они создают идеальную базу для денационализации ляхов⁸.

Национальная теория Лысогорского была концепцией весьма спорной. Ее трактовали как выражение сепаратистских устремлений автора. И несмотря на то, что нашлись немногочисленные защитники – выразители его взглядов, как, напр. К. Йиржичек (Jiríček 1935: 592), которые поясняли, что речь шла не о национальном освобождении, а о пробуждении классового сознания и борьбе во имя социалистической революции: для Лысогорского говорение на ляхском языке как на родном было равнозначно принадлежности к эксплуатируемому классу, – тем не менее в то время это звучало не слишком убедительно, особенно на фоне утверждений самого поэта, писавшем: „*O budoucnosci a wywojowej moznosci europkych norodow nĕbudze rozhodowac konjunkturalno wĕda buržoazyje, ale Marxĕm odkryty krok swĕtovej historyje ku prawdze a swobodze*” (Łysohorský 1934: 99). Лысогорский ссылаясь на возникновение СССР как на прекрасный пример возвеличения народов, которые благодаря этому оказались „в центре международной культуры”. Именно такое будущее в половине 30-х годов XX в. он видел для жителей бескидских гор и шахтеров остравского региона.

⁸ Термин *лях* в научной и популярно-научной литературе уже ранее закрепился для обозначения члена этнографической, а не национальной группы. О значении термина *лях* ср. Balowska (2001).

Однако после II мировой войны Лысогорский смягчил свою позицию в данном вопросе и подчеркивал, что его концепция не имеет политического и национального характера: „[...] ani já, ani moje poezie nepatří do politických kategorií. Nikdy mi nešlo o nějaké odtržení či osamostatnění Lašska, jak mi moji nepřátelé přičítali. Bojoval jsem za sociální a jazyková práva lašského lidu, který ve svém krásném a bohatém kraji odjakživa dřel bídu, ať už zásluhou německých, polských či českých pánů. Internacionální a humanistickou náplní své poesie jsem udělal pro svůj rodný kraj víc, než bych mohl udělat založením nějaké lašské politické strany. [...] Není to náhoda, že jsem nikdy nebyl členem žádné politické strany. To mi dává pružnost distance. Svými básněmi stavím pomník svému lašskému kraji, ne pomník regionální, ale pomník, kterému rozumějí lidé v dalekých zemích. [...] svou poesii lašskou nechci vůbec vytvořit nějaký „lašský imperialismus“ (*Trpím za plamen...* 1968: 11). В связи с этим в послевоенный период наблюдается выразительное изменение в подходе: вместо *noród lašsky* появляется *lašsky lid*.

2.3. Первые заметки кодификационного характера Лысогорский включил в упомянутое выше послесловие к дебютному томику, в послесловие ко второму тому стихов под названием *Hlos hrudy* (1935), а также в статью *Proč píší lašsky?*⁹, опубликованной на чешском языке в журнале „Tvorba“. Эти идеи он развил позднее в послесловии к очередному сборнику ляшских стихотворений *Aj lašske řeky plynu do moře* (1958). Наиболее важной была информация, касающаяся орфографии его текстов, поскольку Лысогорский принял новаторскую графическую систему, желая таким образом подчеркнуть своеобразие своего ляшского языка, его отличие от чешского и польского. Принятый им алфавит является синтезом чешской и польской графики: большинство знаков являются общими для обоих языков, некоторые являются типично чешскими (č, dž, ě, é, ň, ř, š, ž), иные характерны для польского (ć, dź, ł, ś, w, ź). В письме к проф. Й. Марвану спустя годы он объясняет, что это было сознательное действие с его стороны: он не хотел отдавать предпочтение ни одному из алфавитов.

Остальные замечания Лысогорского в значительной степени относятся к фонологическому уровню языка. Он описывает черты, общие для ляшских диалектов (отсутствие противопоставления долгих и кратких гласных, носовых гласных, ударение на предпоследнем слоге, наличие оппозиций *i/y* и *l/l*, а также мягких согласных *ć, ś, dź, ź*), представляя в то же время новые явления, характерные для принятой им системы. Объясняя произношение гласных ляшского языка, он обращается к сравнению орфоэпических характеристик чешского, польского и русского языков. Напр., согласный *ś*, по его мнению, является звуком „более острым, чем польское *ś*“, согласный *l* – „твердое *l* как в польском и русском языке“, согласный *ć* – это звук „между польским *ć* и чешским *l'*, но более мягкий, чем

⁹ Статья была ответом на обвинения, выдвинутые Зденекон Вавржиком в связи с ляшской концепцией Лысогорского. Поэт объясняет ее с лингвистической точки зрения (*Proč píší lašsky?*, „Tvorba“ 10, 1935, с. 775–776, 798–799).

чешский *l'*" и т.п. (ср. Lysohorský 1958: 218). И хотя в информации автора речь шла о том, чтобы донести практические сведения, касающиеся произношения ляшского языка, до „обычного" читателя, ссылка автора на другие языки скорее предполагала получателя, обладающего определенными знаниями по этой теме.

Наиболее спорным было использование Лысогорским графем *é* и *ó*, учитывая разницу в их произношении в чешском и польском языках. Буква *ó* в каждом из языков означала иной звук: в чешском – долгий *o* [o:], в то время как в польском гласный *u* [u]. Именно это второе ее значение принял Лысогорский для своего ляшского языка. Буква *é* была заимствована из чешского алфавита, однако в ляшском языке поэта она обозначала не долгий гласный [e:], а в зависимости от соседства других звуков могла обозначать [i] или [y].

Для поддержки развития творчества на ляшском языке, в стремлении создать независимую ляшскую культуру Лысогорский в июне 1936 г. основал в Остраве группу „Lašsko perspektywa". Он хотел собрать вокруг себя писателей и поэтов, которые писали бы на ляшском языке. В группу учредителей входили Йозеф Билан (псевдоним Jozef Šénowsky), Ян Лисник (псевдоним Jan Stónawsky), Богумил Марек (псевдоним Jura Hanys) и Карел Каван. Условием принятия в группу было признание языковой нормы ляшского языка, разработанной Лысогорским (Pešta 1992: 86). Для потенциальных членов группы, таких, напр., как региональный поэт Хелена Салихова, самым трудным оказалось освоение основ орфографии. Так по этой теме в письме к Лысогорскому высказывался Б. Марек: „byl jsem u pí Salichové. [...] Neví jakého pravopisu má použít při psaní v nářečí. Na př. prý v knize, psané česky s použitím nářečí u přímé řeči, je dosavadní lašsky pravopis příliš cizí a pro člověka tento neovládajícího, je zkreslením nářečí (nezvyklé „é" a převážně většíně Lachů cizí „w")¹⁰.

Однако Лысогорский в вопросе принятия членами группы „Lašsko perspektywa" единообразного способа записи ляшского языка был неуступчив и остро раскритиковал, напр., Б. Марек, который не подчинился требованиям лидера группы и издал томик стихов на своем родном диалекте (ср. Pešta 1992). Вместе с тем, похоже, подобная категоричность не увеличивала числа сочувствующих новой языковой идее. Об этом, в частности, свидетельствуют слова Йозефа Билана в одном из писем Лысогорскому (*nota bene*, написанном по-чешски): „přatel pro lašský jazyk je malo, ale přatel pro dialekt lašský je mnohem víc"¹¹. Возможно все это стало причиной того, что работа по изданию альманаха ляшских произведений членов группы „Lašsko perspektywa" все затягивалась, пока захват чешского государства гитлеровской Германией в 1938 г. окончательно не парализовал деятельность группы и не свел на нет их кодификационные и издательские замыслы.

¹⁰ Письмо от 30.10.1936 г. Здесь хочу сердечно поблагодарить PhDr. Катержину Янасову из Музея Бескиды Фридек-Мистек (Общественно-научный отдел) за оказанную мне помощь в поиске корреспонденции Ондры Лысогорского, которую она доброжелательно предоставила в мое распоряжение и которую я использую в настоящей публикации.

¹¹ Письмо от 23.11.1937 г.

2.4. Важным вопросом, который необходимо еще затронуть, предпринимая пробы экологического описания ляшского языка Лысогорского, является отношение самого создателя к его языку. Для поэта было характерно чрезвычайно эмоциональное отношение к родной земле, ее людям, культуре и, что с этим связано, – языку. Это находит отражение и в том, что в 1934 г. поэт принял псевдоним Ондра Лысогорский, который также выражал его преданность традициям бескидского региона. Эрвин Гой прежде всего хотел выразить свой протест против общественных отношений, господствующих в 30-ые годы в остравском регионе. Отсюда и имя Ондра, образованное как аналог имени разбойника Ондрашка (Ондры)¹², который стал народным героем, защитником холопов и врагом вельмож. В начале XVIII в. он возглавил восстание бескидских холопов против немецких баронов (Mikoláš 1931). Восставшие нашли убежище в лесах на Лысой Горе, важной для поэта детали пейзажа Фридецкой земли. Прототипом для создания второго элемента псевдонима и был топоним Лысая Гора. Сам поэт вспоминает об этом в стихотворении *Osud: Tak zjednočila še mi w duši pora: / Óndra-šów bój a teskno Łyso hora* (Łysohorský 1988: 18).

Он родился 6 июня 1905 г. в городке Фридек в Тешинской Силезии, регионе, для которого было характерно этническое и языковое смешение польского, чешского и немецкого населения. Определенная часть общества здесь, как и в польской Силезии, не отождествляла себя ни с одной из этих национальностей, подчеркивая скорее территориальную принадлежность, привязанность к земле, на которой жили, языку, которым пользовались изо дня в день: посему коренное население говорило *po naszymu* (*по-нашему*). Многоязычный и мультикультурный характер Фридка бесспорно оказал влияние на детство и юность Эрвина Гоя. Первым (домашним) его языком был ляшский говор, вторым – чешский, третьим стал немецкий. Образование поэт получил на немецком языке, окончив немецкую начальную и среднюю школы, а также немецкий университет в Праге. Краткое пребывание в чешской гимназии закончилось переводом в гимназию немецкую, возможно, из-за недоброжелательности чешских учителей (Bogar 1992: 20). Похоже однако, что этот путь был выбран под влиянием матери, которая считала, что именно немецкий, а не чешский язык позволит получить надлежащее образование (в двадцатые годы во время переписи населения вместе с сыном и дочерьми мать высказалась в пользу немецкого языка, в то время как отец выбрал чешский). Таким образом, дома в детские и юношеские годы Эрвин Гой говорил по-ляшски,

---

¹² Ондрашек или Ондра – реально существующая личность, Анджей Шебеста, род. в 1680 г. в Яновицах около Фридка, ум. 1 апреля 1715 г. в Свяднове. Легендарный разбойник (бескидник) с Моравско-Силезских Бескид. Был старшим сыном яновицкого войта Анджея Шебесты и его жены Дороты. Занимался разбоем в окрестностях Лысой Горы в пограничье Тешинской Силезии и Моравии. Был убит 1 апреля 1715 г. в свядновской корчме членом своей банды Юрашеком (Jura Fuciman z Malenowic), который убил его из корыстных целей, поскольку власти Фридецкого Княжества назначили за голову Ондрашка награду в 100 флоринов.

с соседями при этом общаясь на языке, на котором к нему обращались (ср. Vogar 1992: 19). После войны он поселился в Братиславе, где языком общения стал словацкий. Однако языком художественного самовыражения для Лысогорского был прежде всего ляшский язык, которому он остался верным до самой смерти (19 декабря 1989 г.), хотя после II мировой войны он все более охотно обращался к немецкому языку. На то, что он выбрал немецкий язык вместо чешского, оказало влияние, скорее всего, чувство отверженности, которое он испытал в Чехии после возвращения из СССР после II мировой войны, что было вызвано, в частности, как его довоенной концепцией о существовании ляшского народа, так и конфликтами с чешскими коммунистами, которые во время войны находились в СССР (ср. Balowska 2000a).

3. В заключение следует подчеркнуть, что Лысогорский является личностью выдающейся, оригинальной и сложной. На базе ляшских диалектов он пытался создать новый региональный язык. Однако версия ляшского языка, предложенная Эрвином Гоем, не была принята, не нашла последователей, которые могли бы постепенно подготовить группу пользователей такого языка. Поэтому он остается языком одного человека, поскольку, как утверждает Петр Зима: „Jazyk žije a vyvíjí se jen spolu se svými uživateli – mluvčími a posluchači, popřípadě písaři či tiskaři a čtenáři. Bez svých uživatelů je mrtev [...]” (Zima 2002: 45). Тем не менее деятельность Лысогорского привела к возвышению ляшского диалекта, усилению его престижа как языка литературы. Его создатель в 60-ые годы XX в. был выдвинут на соискание Нобелевской премии в области литературы, хотя и не был ее удостоен.

Литература

- Balowska, G. (2000a). Formowanie się idei laskiego języka literackiego. *Socjolingwistyka* 16, 85–96.
- Balowska, G. (2000b). Mikrojęzyki literackie. *Socjolingwistyka* 16, 41–49.
- Balowska, G. (2001). Začátek a konec „lašského jazyka”. В: *Konec a začátek v jazyce a v literatuře*, 225–231. Ústí nad Labem: Univerzita J.E. Purkyně v Ústí nad Labem.
- Balowska, G. (2006). „Ляшский литературный язык” на фоне чешского языкового пространства. Проблемы фонетики и морфологии. В: Е.В. Брысина, В.И. Супрун (ред.). *Путь к родному слову. Сборник научных статей к 60-летию профессора Р.И. Кудряшовой*, 106–121. Волгоград: Издательство ВГПУ.
- Bartoš, F. (1886). *Dialektologie moravská. Díl I. Nářečí slovenské, dolské, valašské a lašské*. Brno: Nákladem Matice Moravské.
- Bělič, J. (1972). *Nástin české dialektologie*. Praha: Státní pedagogické nakladatelství.
- Duličenko, A.D. (1981). *Slavjanskije literaturnyje mikrojazyki*. Tallin: Gosudarstviennyj universitet.

- Duličenko, A.D. (1992). O ljašskom literaturnom jazyke. B: K. Bogar (ed.). *Umělecký a lidský odkaz básníka Āndry Ľysohorského*, 114–117. Frýdek-Místek: Muzeum Beskyd.
- Duličenko, A.D. (1996). Úvahy o lašském literárním jazyce. B: *Āndra Ľysohorský 1905–1989*, 48–54. Frýdek-Místek: Muzeum Beskyd.
- Hannan, K. (1996a). *Borders of Language and Identity in Teschen Silesia*. New York, et al.: Peter Lang.
- Hannan, K. (1996b). The Lachian Literary Language of Āndra Ľysohorsky. *Slavic and East European Journal* 40, 726–743.
- Hannan, K. (2004). Laština Āndry Ľysohorského. B: *Stalošć i zmiennošć w języku i literaturze czeskiej XX wieku. Konstancy a proměny v českém jazyce a literatuře XX. století*, 65–80. Wałbrzych, Państwowa Wyższa Szkoła Zawodowa w Wałbrzychu, Ostravská Univerzita v Ostravě – Filozofická Fakulta.
- Haugen, E. (1972). *The Ecology of language. Essays by Einar Haugen*. California: Stanford.
- Jiříček, K. (1935). Básník Āndra Ľysohorsky. *Tvorba*, 592–593.
- Loriš, J. (1899). *Rozbor podřeči hornoostravského ve Slezsku*. Praha: Česká akademie císaře Františka Josefa.
- Ľysohorský, Ā. (1934). *Spjěwajuco piasć*. Praha: Družstevní práce.
- Ľysohorský, Ā. (1935). *Hłos hrudy*. Praha: Družstevní práce.
- Ľysohorský, Ā. (1958). *Aj laške řěky plynú do mořa*. Praha: Československý spisovatel.
- Ľysohorský, Ā. (1988). *Laško poezija 1931–1977*. Eds. J. Marvan, P. Gan. Köln: Böhlau.
- Misiak, M. (2006a). *Łemkowie. W kregu badań nad mniejszościami etnolingwistycznymi w Europie*. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego.
- Misiak, M. (2006b). Wokół ekologii języków. *Rozprawy Komisji Językowej WTN XXXIII*, 289–295.
- Ohnheiser, I. (2003). Ekolingvistika i tendencii razvítia sovriemiennych slávjanskich jazykov. B: *Języki słowiańskie w perspektywie ekolingwistycznej*, 9–34. Opole: Uniwersytet Opolski. Instytut Filologii Polskiej, Międzynarodowy Komitet Sławistów.
- Polański, K. (1999). *Językoznawstwo (lingwistyka)*. B: K. Polański (red.). *Encyklopedia językoznawstwa ogólnego*. Wrocław: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich.
- Šembera, A.V. (1864). *Základové dialektologie československé. S příklady všech řečí slovanských a různorečí českých, moravských a slovenských*, 54–55. Vídeň: Nákladem spisovatelovým.
- Wąsik, E. (1999). *Ekologia języka fryzyjskiego. Z badań nad sytuacją mniejszości etnolingwistycznych w Europie*. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego.
- Wysoczański, W. (2000). Ekologia języka jako dyscyplina heterogenicznego opisu języka. *Biuletyn PTJ LV*, 61–76.
- Zawadowski, L. (1966). *Lingwistyczna teoria języka*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- Zima, P. (2002). Ekolingvistika. Jazyky jako organizmy žijící prostřednictvím svých uživatelů. *Vesmír: Přírodovědecký časopis* 2002/1, 45–47.